

РУССКІЙ ЯРМЪЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ

Петро.мъ Бартенева.мъ.

ГОДЪ ОСЬМОЙ

(1870).

МОСКВА.

Типографія А. П. Мамонтова и К^о, Большая Дмитровка, № 7.

1871.

сать *). Грусть и вслѣдъ за нею радость, благодарность къ Богу, умиляли мою душу. Печальныя мысли, смѣняясь радостными, какъ-то слились въ молитву.

Съ Поклонной горы я увидѣлъ Москву, — Москву такую же почти прекрасную какъ прежде, только колокольня Ивана Великаго безъ креста напоминала мнѣ все, что выстрадала наша Бѣлокаменная. У заставы я вышелъ изъ повозки, сѣлъ на извозчика и поѣхалъ къ церкви Ильи Пророка. Еще видны были слѣды злодѣйствъ непріятеля, но новыя строенія уже возвышались подлѣ и радовали взоры. Я тотчасъ же узналъ домъ тетушекъ, уцѣлѣвшій отъ всеобщаго пожара и взошелъ тихо, не желая ихъ испугать; но поваръ Константинъ, попавшійся мнѣ навстрѣчу, опрометью бросился въ комнаты, крича изо всѣхъ силъ. Прибѣжали обѣ тетушки, и ты можешь себѣ вообразить нашу радость.... Онѣ рассказали мнѣ, гдѣ батюшка купилъ домъ, и мы вмѣстѣ отправились къ нему. Дорогой тетушки осыпали меня вопросами, показывали меня всѣмъ встрѣчающимся знакомымъ; тѣ выходили изъ экипажей, присоединялись къ намъ и съ триумфомъ привели меня къ батюшкѣ...

Я и теперь еще съ восторгомъ вспоминаю ту минуту, счастливейшую, какую можно имѣть, увидавъ отца послѣ долгой разлуки. Я цѣлый день былъ какъ бы внѣ себя. Сбѣжались всѣ люди, пришли старые знакомые, пріѣхали всѣ друзья батюшки, вопросамъ и рассказамъ не было конца. Къ вечеру пошла въ церковь Ильи Пророка отслужить благодарственный молебенъ за благополучное возвращеніе и за всѣ милости, ниспосланныя мнѣ отъ Бога.

Церковь Ильи Пророка много пострадала отъ непріятеля, но уже, насколько можно,

*) Дневникъ этотъ писанъ въ видѣ писемъ къ сестрѣ Хомутова, Аннѣ Сергѣевнѣ. П. Б.

поправлена; во многихъ мѣстахъ не достаетъ золота и серебра, но вообще она такая же, какъ и была и живо мнѣ напомнила мое дѣтство. — Домъ, купленный батюшкой, очень хорошъ, но его надо заново отдѣлать, и батюшка устроилъ себѣ пока пріютъ въ банѣ.

На слѣдующій день батюшка повезъ меня дѣлать визиты, показывать меня своимъ знакомымъ. Преждѣ всего мы поѣхали къ графу Ростовчину, съ которымъ отправились въ соборъ на благодарственный молебенъ за заключеніе мира съ Франціей, радостное извѣстіе котораго привезъ генералъ адъютантъ Васильчиковъ. Архіепископъ Августинъ сказалъ отличную проповѣдь. Изъ собора продолжали визиты до самаго обѣда у графа Ростовчина для празднованія мира. Обѣдъ былъ великолѣпный, съ музыкой и пѣсельниками. Шампанское лилось рѣкой.

Москва совсѣмъ не кажется такой печальной, какъ я воображалъ: хотя и видны слѣды ярости непріятеля, но она почти вся вновь обстроена и черезъ нѣсколько лѣтъ никто не повѣритъ, что это та же Москва, которая была принесена въ жертву для спасенія Европы.

ПИСЬМА СПЕРАНСКАГО КЪ Ф. И. ЦЕЙЕРУ.

Баронъ М. А. Корфъ, въ образцовомъ своемъ жизнеописаніи Сперанскаго, могъ лишь мимоходомъ (II, 383—385) коснуться его религіозныхъ возрѣній. Письма его къ дочери (Р. Архивъ 1868 г.) и въ особенности письмо его изъ Перми, 6 Августа 1813 г., къ П. А. Словцову (Библиогр. Записки III, стр. 524) позволяютъ намъ заглянуть нѣсколько глубже въ духовную

жизнь знаменитаго переводчика «Подражанія Христу». Дополненіемъ къ этимъ даннымъ могутъ служить предлагаемыя письма къ Ф. И. Цейеру. Въ нихъ еще съ большею полнотою и ясностію высказался тотъ созерцательный квіетизмъ, въ коемъ великій труженикъ искалъ противовѣса всепожирающей дѣятельности своего ума и неутоленной жаждѣ своего законнаго честолюбія. Мистическій языкъ этихъ посланій не заслоняетъ трезвости мысли, складывающей оружіе передъ тайнами вѣчности. Осторожное, но твердое порицаніе религиозныхъ крайностей того времени—фантастическихъ и насильственныхъ толкованій Писанія и чисто-нервныхъ вырожденій религіознаго восторга—проводятъ рѣзкую черту между духовнымъ строемъ Сперанскаго и господствующимъ настроеніемъ тогдашнихъ мистиковъ. Даже вѣра въ близкое пришествіе Царствія Божія, это европейское повѣтріе той эпохи, высказывается имъ не безъ многозначительной оговорки.

Въ ряду этихъ писемъ чисто - духовнаго содержанія естественно нашло себѣ мѣсто и письмо (IV), касающееся Священнаго Союза; оно вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ дополненіемъ къ двумъ письмамъ о томъ же предметѣ къ Цейеру, напечатаннымъ въ Русскомъ Архивѣ за 1867 г. (стр. 444—454). Прилагаемъ также найденное въ копіи между бумагами Ф. И. Цейера, письмо Сперанскаго къ М. С. Броневскому, посвященное предметамъ того же разряда.

Подлинники всѣхъ этихъ писемъ сообщены въ Р. Архивъ отъ Зинаиды Амвросіевны Шлейденъ, которая (въ первомъ бракѣ) была супругою Франца Ивановича Цейера, окончившаго жизнь въ Крыму, гдѣ онъ на послѣдокъ служилъ въ Комиссіи о размежеваніи земель Таврической губерніи.

Письма, кромѣ VIII-го и къ Броневскому, писаны по-французски; но такъ какъ читатели Р. Архива уже знакомы съ французскою письменною рѣчью Сперанскаго, то, въ видахъ сбереженія мѣста, мы сочли возможнымъ ограничиться помѣщеніемъ однихъ переводовъ.

I.

Изъ Перми *).

Мы такъ долго думали вмѣстѣ, что мнѣ еще невозможно, любезный другъ, разстаться съ этою привычкою.

До времени нашей разлуки, состояніе наше въ сущности было лишь состояніемъ размышленія и молитвы умной. Вся наша духовность собственно сводилась къ теософіи. Къ ней же относятся творенія Бѣма, С. Мартена, Сведенборга и т. п. Это лишь азбука. Десять лѣтъ провелъ я въ ея изученіи, и когда я думалъ, что овладѣлъ всѣмъ, я трудился лишь надъ начатками. Это было преддверіе Царствія Божія.

Царствіе Божіе, въ насъ заключающееся (иными словами, внутреннее Слово или созерцательная молитва, или чистая любовь), обнаруживается лишь тогда, когда всѣ размышленія, всѣ разсужденія о предметахъ небесныхъ становятся сухими, скучными, безвкусными, и когда однакоже въ глубинѣ души ощущаешь болѣе или менѣе сильное влеченіе къ занятію божественнымъ. Тогда слѣдуетъ оставить молитву умную (размышленія, рефлексіи, разсужденія о Богѣ) и постепенно привыкать къ тому, чтобы находиться въ общеніи съ Богомъ помимо всякихъ образовъ, всякаго размышленія, всякаго ощутительнаго движенія мысли. Тогда кажется, что въ душѣ все молчитъ; не думаешь ни о чемъ;

*) Это означеніе слѣвано рукою Ф. И. Цейера.

умъ и память меркнуть и не представляютъ ничего опредѣленнаго; одна воля кротко держится за представленіе о Богѣ, представленіе, которое кажется неопредѣленнымъ, потому что оно безусловно, и что оно не опирается ни на что въ особенноти.

Тогда-то вступаешь въ *сумракъ тьры*. Тогда-то не знаешь болѣе ничего и ждешь всякого свѣта непосредственно свыше и, если упорствуешь въ этомъ ожиданіи, то свѣтъ зотъ нисходитъ, и Царствіе Божіе раскрывается. Но что же такое Царствіе Божіе, въ чемъ состоитъ оно? Никто не можетъ ни описать Вамъ его, ни дать о немъ понятіе. Его чувствуешь, но оно несообщимо. Самъ Іисусъ Христосъ описываетъ Царствіе Божіе лишь притчами и подобіями.

Въ этомъ-то состояніи начинаетъ раздаваться *внутреннее слово*; это-то состояніе собственно называется *состояніемъ благодати*. Это-то состояніе служитъ исходомъ ученію Іисуса Христа; и лишь это состояніе Онъ пришелъ возвѣстять и уготовить намъ. Все то, что предшествуетъ этому состоянію (что я называю азбукою) составляетъ область Іоанна Предтечи, который уготовляетъ пути, но не есть путь.

Это же состояніе называется собственно мистическимъ богословіемъ. Это не книжное ученіе. Наставникъ къ немъ Самъ Богъ, и Онъ сообщаетъ Свое ученіе душѣ непосредственно, безъ словъ и способомъ, который невозможно объяснить словами. Это богословіе есть мистическое не потому, что оно заключаетъ въ себѣ тайны, сокрытыя отъ толпы, но потому что чувства, возбуждаемыя имъ въ душѣ и истины, имъ раскрываемыя, совершенно несообщимы, и нѣтъ словъ, чтобы ихъ объяснить. Это апокалиптическое письмо, которое можетъ прочесть лишь тотъ, кто его получаетъ.

Что дѣлать для того, чтобы достигнуть

этого состоянія? Слѣдуетъ 1) признать себя за величайшаго грѣшника и величайшаго невѣжду 2) слѣдуетъ стараться о томъ, чтобы постепенно отрѣшиться отъ всякаго имущества: а) отъ имущества вещественнаго б) отъ имущества умственного, т. е. не слѣдуетъ никогда позволять себѣ разсужденій о предметахъ небесныхъ, с) отъ имущества памяти, изгоняя изъ нея всякій образъ предметовъ небесныхъ.

II.

22 Декабря 1814. (Великополье)

Сомнѣніе и религія внѣшняя суть два пути къ благочестію.

Имѣвъ счастье пройти эти пути, находишься или, точнѣе, считаешь себя внутри храма, сознаешь, что есть религія внутренняя, богопочитаніе болѣе чистое. и радуешься этому открытію.

Остановимся немного на одѣнкѣ этого состоянія; посмотримъ, какой оно доставляетъ намъ свѣтъ, какія возбуждаетъ въ насъ чувства и какое вліяніе оно производитъ на наши дѣйствія.

Свѣтъ. Разсматривая съ нѣкоторою строгостію сумму свѣдѣній, которыми обладаешь въ этомъ состояніи, находишь, что они все сводятся къ одной истинѣ, а именно къ той, что *Іисусъ Христосъ въ насъ*, истина конечно великая, но которая можетъ остаться безплодною, если она не обратится въ чувство преобладающее и останется невоздѣланною. Въ такомъ случаѣ, все ограничивается чтеніями, воспроизводящими передъ нами ту же истину подъ разными точками зрѣнія, т. е. обращаешься постоянно въ томъ же кругу мыслей вѣрныхъ по сущности, но безплодныхъ въ своемъ приложеніи. Между тѣмъ увѣряешь себя, что все подвигаешься впередъ и, по естественному заблужденію, изъ разнообразія точекъ зрѣнія заключаешь,

что расширяешь и умножаешь свои свѣдѣнія. Между тѣмъ, великіе вопросы о воплощеніи, о страданіяхъ, о смерти, о воскресеніи Иисуса Христа остаются неразрѣшенными, или стараешься согласовать ихъ посредствомъ аллегорическихъ толкованій и системъ, болѣе или менѣе остроумныхъ и, если въ концѣ концовъ еще находишься погруженнымъ въ сомнѣнія, увѣряешь себя, что ходишь въ сумракъ *впры*: это великое слово, дурно понятое и еще хуже приложенное, отвѣчаетъ на все и успокоиваетъ на счетъ всего.

Чувства. Внимательное прилежаніе къ благочестивому чтенію естественнымъ образомъ производитъ пзмѣненіе въ молитвѣ. Она становится кротче, или горячѣе, или независимѣе, то-есть она изъ словесной обращается въ умную. Нѣтъ сомнѣнія, что она улучшилась; но вскорѣ настаютъ охлажденія, уклоненія и разсѣянности, слѣдовательно и тревоги; знаешь, что это внутренніе кресты и стараешься нести ихъ по мѣрѣ силъ; но не можешь скрыть отъ себя свою бѣдность благодатію, и все, что можешь сдѣлать—это не оставлять пути, по которому идешь. Гордость болѣе, быть-можетъ, всякого иного побужденія удерживаетъ насъ на немъ.

При всемъ внутреннемъ убѣжденіи въ обязательности смиренія, на дѣлѣ спотыкаешься на каждомъ шагу, и самый осторожный проводитъ жизнь скорѣе въ томъ, что сознаетъ свои паденія. чѣмъ въ томъ, что ихъ избѣгаетъ.

Дорожишь всѣмъ, а между тѣмъ чувствуешь, что отъ всего слѣдуетъ отрѣшиться.

Такимъ образомъ, относительно всѣхъ чувствъ, наиболѣе существенныхъ для благочестія (говорю о молитвѣ, о смиреніи и объ отрѣшеніи) живешь почти въ постоянномъ противорѣчій.

Вы видите, что я тутъ беру мои образцы

во всемъ что есть наиболѣе чистаго, наиболѣе искренняго; ибо есть люди, которые считаютъ себя поистинѣ смиренными, отрѣшенными и обладающими высшими степенями молитвы, между тѣмъ какъ на дѣлѣ они наиболѣе удалены отъ этого; до этихъ людей мнѣ и дѣла нѣтъ.

Дѣйствія. Поведеніе вообще становится правильнѣе, совѣсть чувствительнѣе; слабости представляются пороками, пороки преступленіями; но не углубляешься достаточно въ свое сердце; признаешь себя за великаго грѣшника, но въ то же время говоришь себѣ: таковъ человекъ; и, обобщая такимъ образомъ свою испорченность, умаляешь ее хитрымъ изворотомъ своего самолюбія, скрываешь ее отъ себя, и живительный огонь раскаянья лишь скользитъ по язвѣ. Это самое плачевное заблужденіе.

Подведемъ итоги: мало свѣта, безпрестанное противорѣчіе въ чувствахъ, много нечистоты въ дѣйствіяхъ:—таково это состояніе, которое я называю *состояніемъ томленія*. Томленіе—истинное ему названіе, ибо чувствуешь себя неспособнымъ отступить, слишкомъ слабымъ, чтобы идти впередъ и однакоже несчастнымъ, оставаясь на мѣстѣ. Сидя около купели, проводишь года, восклицая: «человѣка не имамъ!»

О, когда прійдетъ спасеніе Израилево, чтобы бросить насъ въ эту живительную купель! Какимъ образомъ Онъ, принятый нами въ себя, даетъ намъ томиться такимъ образомъ?

Онъ внутри насъ: но насъ самихъ тамъ нѣтъ. И такъ, нужно намъ туда вернуться. Довольно читать, нужно дѣйствовать; довольно глядѣть, какъ ходятъ другіе: надобно ходить самому.

Первый шагъ состоитъ въ томъ, чтобы войти въ самого себя, второй шагъ есть раскаяніе, третій Причастіе. На этотъ

разъ, буду говорить съ Вами лишь объ этихъ трехъ упражненіяхъ.

Удаленіе отъ міра. Быть одинокимъ среди міра есть принадлежность существъ совершенныхъ, на которую мы не должны имѣть притязаній. Периодическія удаленія необходимы. Посвятите одну, двѣ недѣли на удаленіе, — хочу сказать на самое строгое одиночество. Странность, приличія — все это вздоръ въ сравненіи со спасеніемъ. Употребите это время единственно на то, чтобы разсматривать самого себя, безъ всякой примѣси теоретическихъ размышленій. Довольно Вы размышляли: пора Вамъ себя обсудить. Произведите надъ собою слѣдствіе съ трехъ главныхъ точекъ зрѣнія — гражданской, нравственной и религіозной. Недостаточно осудить себя въ общихъ чертахъ (великая ошибка обыкновенныхъ исповѣдей), — нужно спуститься до малѣйшихъ подробностей. Нужно имѣть храбрость взглянуть въ лицо всѣмъ безобразнымъ формамъ своего беззаконія. Я слишкомъ полагаюсь на благость Нашего Спасителя и на благодать, уже пребывающую въ Васъ, чтобы не надѣяться, что взглядъ Вашъ не будетъ отведенъ изворотами самолюбія, и что Вы будете имѣть достаточно силъ, чтобы увидѣть себя таковымъ, какъ Вы есть. Не выходите изъ этого горнила прежде, чѣмъ когда Вы убѣдитесь, что злодѣй, влекомый въ темницу, истерзанный публичною казнію, есть нѣкоторого рода святой въ сравненіи со всѣми нами, людьми добра и внутренняго благочестія, которые имѣемъ притязанія на благодать и на общеніе съ Иисусомъ Христомъ (вы легко проникнитесь этою истинною, вмѣстѣ горькою и спасительною). При этомъ разборѣ слѣдуетъ остерегаться одного камня преткновенія: судя себя, не слѣдуетъ судить другихъ, — слѣдуетъ дер-

жаться своей личности и предоставлять все сравненія Тому, Кто вѣдаетъ сердца.

Раскаяніе. Когда чувствуешь себя провинкутымъ, разстерзаннымъ въ сознаніи своего беззаконія, тогда понимаешь впервые, что такое истинное раскаяніе. *Сердце сокрушенное* не есть выраженіе метафорическое, — это истинное и положительное ощущеніе; чувствуешь, какъ оно сокрушается, стирается въ прахъ. Не бойтесь слишкомъ измѣять его; напротивъ того, разорвите его окончательно, свидѣтельствуя такъ сказать публично объ этомъ внутреннемъ раскаяніи: хочу сказать, исповѣдуясь церкви, то-есть священнику, который въ нѣкоторомъ родѣ есть представитель, уполномоченный всѣхъ нашихъ вѣрующихъ братьевъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, видимыхъ и невидимыхъ, живыхъ и мертвыхъ, составляющихъ, въ смыслѣ мистическомъ и истинномъ, тѣло Иисуса Христа. Не боюсь утверждать, что внутреннее раскаяніе, какъ бы оно ни было горячо, безъ этой формальной исповѣди (развѣ при неодолимыхъ препятствіяхъ) всегда будетъ не полно.

Причастіе. Въ причастіи Иисусъ Христосъ истинно соединяется съ нами. Онъ всегда въ насъ (и это присутствіе называется благодатію; вотъ истинный смыслъ этого выраженія, столь мало извѣстный книжникамъ нашего вѣка), хотя мы Его не ощущаемъ; но мы должны Его ощущать въ себѣ, и для того, чтобы возбуждать или оживлять это ощущеніе, и установлено Святое Причастіе. Тѣ, которые увѣряютъ, что вслѣдствіе постояннаго и непрерывнаго общенія, они могутъ обойтись безъ этого спеціальнаго сочетанія, заблуждаются глубоко. Ибо, во первыхъ, постоянное общеніе предполагаетъ высокую степень святости, и кто будетъ достаточно смѣлъ, чтобы

ее себѣ приписать? Далѣе, предположивъ даже, что существуетъ это непрерывное общеніе, сіе другое, нарочитое и символическое общеніе лишь оживитъ и усилитъ его. И такъ, оно во всякомъ случаѣ чрезвычайно полезно и нужно. Присовокупите къ этимъ доводамъ, что Ваша церковь представляетъ къ этому упражненію столь великія удобства, что не пользоваться ими непроситительно. Было бы излишнимъ предупреждать Васъ относительно другой опасности—сердечной сухости. Вамъ слишкомъ хорошо извѣстно, что кротость и горячность чувства не всегда суть вѣрное ручательство въ умноженіи благодати; напротивъ того, она дѣйствуетъ могущественнѣе при внутреннихъ мученіяхъ и крестахъ.

Возвращайтесь, о возвращайтесь часто, любезный другъ, къ симъ тремъ святымъ упражненіямъ, и смѣю увѣрить Васъ, отъ имени Того, Чья радость состоитъ въ жизни и общеніи съ людьми, что Онъ не замедлитъ явиться. Онъ придетъ излить Свой свѣтъ на Вашъ разумъ, очищать Ваше чувство, руководить Вашими дѣйствіями. Вы ощутите въ себѣ силы, до сихъ поръ Вамъ неизвѣстныя. Томленія Ваши разсѣются. Ибо Онъ придетъ, говорю я вамъ, *не въ видѣ мысли, отвлеченнаго понятія, какъ испытывали Вы это до сихъ поръ*, но столь же дѣйствительно, столь же физически, какъ сегодня всходящее солнце. Ибо, когда разъ раскроется передъ нами зрѣлище духовнаго міра, не возможно не чувствовать солнца, имъ управляющаго. Но спрашиваю Васъ, что дѣйствительнѣе,—міръ духовный, или міръ вещественный?

Не говорю, чтобы все было сдѣлано, какъ только достигнешъ этого состоянія ощутимаго общенія. О, вѣтъ, остается еще сдѣлать многое, чтобы достигнуть иного

общенія, которое уже не ощутимо, но трансцендентально, отрѣшено не только отъ всякаго образа, но отъ всякой мысли,—общенія почти неизъяснимаго словами, хотя весьма дѣйствительнаго. Но, чтобы дойти до него, необходимо пройти черезъ общеніе ощутимое. Когда Вы разъ прочно въ немъ утвердитесь, тогда Вы или не будете болѣе нуждаться въ моихъ совѣтахъ (ибо Онъ поведетъ Васъ Самъ) или, если Онъ еще захочетъ дѣйствовать, черезъ меня, то Онъ дастъ мнѣ къ тому способы и силы. О, сколь великія вещи Онъ Вамъ откроетъ. Внутренности Ваши тогда буквально вострепещутъ отъ радости. Вѣрьте мнѣ, при нашей разлукѣ, мы съ Вами питались лишь молокомъ. Совсѣмъ иной вкусъ имѣетъ хлѣбъ сильныхъ, хотя онъ и составленъ изъ тѣхъ же началъ.

Я теперь знаю довольно точно образъ жизни Вашъ въ свѣтѣ, и не скрываю отъ себя всѣхъ трудностей, съ которыми придется Вамъ бороться для того, чтобы предаться съ послѣдовательностію этимъ упражненіямъ. Но подумайте: 1) что Вы уже получили значительные задатки отъ Св. Духа, и что подобныя отступничества, когда они упорны, не прощаются; 2) что все то, что теперь кажется Вамъ обязательствомъ, долгомъ признательности, удовольствіемъ, приличіемъ, черезъ два-три мѣсяца покажется Вамъ почти смѣшнымъ; 3) развѣ на этомъ пути, какъ и на всякомъ иномъ, не нужны жертвы, и долго ли еще мы останемся ни холодными, ни теплыми? 4) всегда есть средства раздѣлаться со свѣтомъ и уклониться отъ него потихоньку и безъ разрыва.

Присовокуплю два слова о Вашихъ чтеніяхъ и кончу. Во время Вашихъ удаленій отъ свѣта, въ предотвращеніе разсѣянности мыслей, изберите себѣ чтеніе простое,

каково напримѣръ «Подражаніе», или дѣлайте переводъ, словомъ возьмитесь за упражненіе, которое заняло бы Вашъ умъ, не побуждая его къ изслѣдованіямъ. Но, главное, предавайтесь молитвѣ и тщательному разсмотрѣнію Вашей прошлой жизни. Въ прочія времена, посоветую Вамъ подробное изученіе Библии. Не потому, чтобы истинный свѣтъ истекалъ отъ буквъ,—нѣтъ; но черезъ это средство изливается онъ обыкновенно. Итакъ надобно запастись этимъ матеріаломъ на время его дѣйствія. Утвердитесь въ буквальномъ смыслѣ, и Учитель въ свое время раскроетъ вамъ смыслъ истинный. Если Вы можете достать большую Библию Саси, она будетъ Вамъ полезна. Начните съ Вѣтхаго Заѣта: это ступень необходимая, чтобы возвыситься до Новаго. Но еще разъ, никто не долженъ льститься мыслию, что онъ видитъ ясно, пока его не озаритъ свѣтъ свыше. Аминь. Да будетъ съ Вами благодать Спасителя Нашего Иисуса Христа.

III.

Великополье 14 Марта 1815.

Да будетъ съ Вами, другъ мой, благодать Господа Нашего. Сообщу Вамъ на этотъ разъ лишь нѣсколько отдѣльныхъ мыслей по мѣрѣ того, какъ онѣ будутъ даны мнѣ.

Благодать, возбуждающая столько теоретическихъ споровъ, для чувства вещь весьма простая. Она именно и есть это присутствіе Господа Нашего внутри насъ. *Безъ Меня ничего не можете*: это и есть принципъ благодати.

Въ этомъ-то смыслѣ также Апостолы и первые христіане называли Иисуса Христа просто Господомъ.

Самое блистательное доказательство математической истины можетъ ли сравниться

въ очевидности съ дѣйствіями благодати, когда сердце раскрыто для нея покаяніемъ?

Насколько могу я судить, въ Вашемъ развитіи все идетъ хорошо. Чтò же касается до меня, стараго, изношеннаго мѣха, недостойнаго содержать новое вино, влитое въ него, то я всегда готовъ изливать въ Вашу душу все то, чтò будетъ мнѣ дано для Васъ.

Въ точности повинуйтесь духовнику Вашему, въ особенности относительно Причастія. Какъ Вы счастливы, что можете причащаться каждый мѣсяць!

Тотъ не знаетъ, чтò такое Сынъ, кто въ молитвахъ своихъ не обращается къ Его Матери *).

Тотъ также не знаетъ, чтò такое Единный Святой, кто не поклоняется ему во всѣхъ святыхъ Его.

Разные виды молитвы не предоставляются на нашъ выборъ. Это разные истечения одной и той же благодати.

Ошибочно думать, говоритъ св. Тереза, чтобы молитва, даже чисто словесная, если только она искренна и покорна, была недостаточна для того, чтобы довести насъ до великаго совершенства.

Молитва *словесна*, когда мы своими мыслями слѣдимъ за чужими словами; она *умна*, когда мы мысленно слѣдимъ за собственными своими словами. Слова тутъ есть всегда, ибо нельзя мыслить безъ словъ. Въ первомъ случаѣ они даны намъ, во вторыхъ они придуманы нами самими. Итакъ, разница весьма не велика.

Въ молитвѣ *чисто созерцательной*, слова, какъ и самыя мысли, исчезаютъ; но не потому, что того желаешь, а потому, что это дѣлается само собою.

Но великая тайна совершенства заключаетъ

*) Ф. И. Цейеръ былъ исповѣданія лютеранскаго?

ся въ томъ, чтобы во всѣхъ этихъ состояніяхъ оставаться вѣрнымъ своей благодати, говорить св. Францискъ, Вашъ патронъ.

Вотъ дивное средство для того, чтобы изгонять дурныя мысли, предупреждать разсѣянность, содержать себя постоянно въ присутствіи Господа Нашего, и даже для того, чтобы приготовляться издали къ дару созерцанія, средство, къ которому прибѣгали лучшіе изъ старинныхъ аскетовъ (панафидники, подвизающіеся труженики) и сохранившееся въ нашей Греческой церкви—это приучить себя, всякій разъ, какъ не занимаешься умственнымъ трудомъ или правильною молитвою (на прогулкахъ, напримѣръ, въ обществѣ, и т. п.) къ тому, чтобы повторять мысленно или сквозь зубы слова *Господи помилуй*, но повторять ихъ безостановочно и непрерывно. Привычка эта приобретается довольно скоро. Приемъ этотъ по истинѣ изумителенъ, я бы сказалъ волшебенъ, еслибы тутъ было умѣстно такое слово. Это лучше всѣхъ умозрѣній относительно самыхъ высокихъ истинъ вѣры, развѣ эти умозрѣнія даются намъ безъ всякаго съ нашей стороны старанія, а словно по вдохновенію; ибо тогда, и лишь тогда, слѣдуетъ имъ предаваться. Въ особенности полезно засыпать съ этимъ маленькимъ упражненіемъ на устахъ или въ мысляхъ.

Теперь, зная, гдѣ Васъ найти, буду отмѣчать постепенно все то, что будетъ мнѣ внушено для Васъ. Не упускайте отъ времени до времени извѣщать меня о Вашемъ внутреннемъ состояніи, и въ особенности о Вашихъ сердечныхъ сухостяхъ, ибо это, на пути ко кресту, самое существенное. Да будетъ съ Вами благодать Господа Нашего.

Р. С. Баснажъ былъ бы лучше. Въ него вошелъ весь Іосифъ. Но Придо также хорошъ. Въ Новомъ Завѣтѣ изучайте посланія св. Павла. Они составляютъ нѣкотораго

рода введеніе въ Евангеліе, которое несравненно выше и труднѣе.

IV.

Великополье, 22 Янв. 1816 *).

Замѣчанія Ваши весьма вѣрны: ошибаются люди, утверждающіе, будто духъ Царствія Божія несомнѣстенъ съ началами политическихъ обществъ. Развѣ державство не есть своего рода священство? Что такое помазаніе Государей? И если люди такъ часто оскверняли его и ругались надъ нимъ, слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы это установленіе не было Божественнымъ? Не получилъ ли самъ Саулъ послѣ этого дѣйствія даръ пророчества? Можно ли сомнѣваться въ дѣйствительности изліянія Св. Духа на лицо помазанное, если только оно способно воспринять его? И, воспріявши это изліяніе, можетъ ли, долженъ ли Государь ограничивать его дѣйствіе своимъ частнымъ поведеніемъ и дозволять себѣ, при управленіи государствомъ, иныя, часто противоположныя, начала дѣятельности?

Въ сущности вопросъ сводится къ тому, признаемъ ли мы дѣйствительность вдохновенія и освященія. Ибо, разъ признавши эту дѣйствительность, мы должны признать, что это вдохновеніе должно быть вѣрнѣйшимъ руководителемъ во всѣхъ призваніяхъ. Въ обязательствѣ и въ твердомъ намѣреніи освятиться и дѣйствовать не иначе, какъ сообразно этому освященію и состоитъ, по моему мнѣнію, сущность Священнаго Союза Государей. Если они связываютъ съ нимъ иныя мысли, или если со временемъ они извратятъ его смыслъ: то актъ этотъ превратится въ ничто, станетъ даже гибельнымъ для ихъ народовъ и еще болѣе для нихъ самихъ. Онъ раскроетъ двери всѣмъ зло-

* Сл. Р. Арх 1867, 444—454.

употребленіямъ произвольной власти. Но зачѣмъ чернить установленіе, столь святое, такими ужасными предположеніями! Не достаточно ли они опровергаются нравственнымъ характеромъ Государей?

Нѣтъ, я твердо убѣжденъ, что послѣднему отступничеству, что великому, окончательному явленію Мужа Беззаконія будетъ предшествовать (и это на разстояніи довольно значительномъ) великое изліяніе духа благодати. Намъ не дозволено опредѣлять ни способа, ни времени этого изліянія; но что касается до времени, то намъ конечно позволительно ожидать его ежеминутно, собирать предвѣщанія, соображать малѣйшіе признаки. Эти признаки, быть-можетъ, насъ обманутъ; но достаточно и того, чтобы свѣтлыи наши были зажжены, и чтобы мы были готовы идти на встрѣчу Жениху. Маленькое униженіе ошибки также обратится намъ въ пользу. Что же касается до способовъ, то кто усомнится въ томъ, что сильное впечатлѣніе, произведенное на умы правительствомъ, могло бы быть способомъ, весьма дѣйствительнымъ?

Не знаю ни одного государственнаго вопроса, котораго нельзя бы было свести къ духу Евангелія. Все, до самого тарифа, можетъ быть разсмотрѣно и обработано въ этомъ духѣ, и подъ его руководствомъ. Хименесы, св. Бернарды, св. Людовики, Альфреды не черпали ли обильно изъ этого источника? Создавали ли они себѣ ниня начала для управленія государствами?

Правда, что выраженія Союзнаго Акта недостаточно точны; такъ, на примѣръ, Иисуса Христа нельзя назвать главою всѣхъ, даже и зараженныхъ членовъ; ибо Онъ глава единого тѣла, которое есть Его Церковь; царство же не есть Церковь истинно вѣрныхъ; но зачѣмъ привязываться къ формѣ, вопреки духу и общему направленію этого

акта? Я бы охотно послалъ Вамъ копію съ моего письма *), но по истинѣ, почти не стоитъ того; къ тому же дѣнь переписывать. Но ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы сообщить его ни автору (?), ни даже другу С. Слово профанція тутъ всего умѣстнѣе. Кстати о С., предупреждаю Васъ, что онъ обидѣлся Вашею сдержанностію. Постарайтесь, прошу Васъ, успокоить его. Охлажденіе это можетъ пойти далѣе, чѣмъ на сколько и Вы и я могли бы этого пожелать. Хотя онъ и падаетъ, и возмущается, я въ немъ не отчаиваюсь.

Впрочемъ всѣ недовольные отнынѣ ожесточатся противъ религіи. Ей припишутъ они всѣ свои разочарованія, всѣ свои личные недочеты. Князь тьмы слишкомъ искусенъ, чтобы упустить столь прекрасный случай для того, чтобы раздуть страсти и обратить тщеславіе въ отступничество.

Вы исполнили мою душу радости Вашими немногими словами о непрестанной молитвѣ. Нѣтъ ничего дѣйствительнѣе этого таинства зачатія. Да будетъ съ Вами благодать Господа Нашего, и да соизволитъ Онъ сочетаться въ Васъ съ Самимъ Собою черезъ Св. Причастіе.

V.

Великополье, 9 Марта 1816.

Наконецъ, послѣ столькихъ промедленій, отсылаю Вамъ при семъ Житія Святыхъ. Имѣю привычку, читая книги этого рода, дѣлать выписки, и моя дѣнь въ писаніи мѣшасть мнѣ оканчивать чтеніе быстро. Поблагодарите, прошу Васъ, отъ меня Вашу добрую сестру за это поминѣ назидательное чтеніе. Не могу о ней подумать, не жалѣя нѣкоторымъ образомъ о стадѣ, разсы-

*) Т. е. къ Государю Александру Павловичу о Священномъ Союзѣ, уже напечатаннаго барономъ М. А. Корфомъ въ Р. Архивѣ 1867.

павшемся послѣ пораженія пастыря. Но Господь о томъ промыслить!

Все, что я читалъ когда-либо о вершинахъ самого возвышеннаго созерцанія, какъ по-латынѣ, такъ и по-французки, — все это я на дняхъ нашелъ пространно изложеннымъ и разъясненнымъ въ аскетической книгѣ, переведенной съ Греческаго на Славянскій языкъ, и напечатанной Синодомъ въ 1793 году подъ заглавіемъ *О добротолубіи*, по ходатайству и стараніями настоятеля Валаамскаго монастыря. Книга эта повсюду продается и обращается. Вотъ сколь истинно, что у Господа никогда не будетъ недостатка въ дѣлателяхъ, и между тѣмъ какъ міръ кажется намъ почти погрязшимъ въ безднѣ беззаконій, вертоградъ Его воздѣлывается, растетъ и процвѣтаетъ, и царствіе Его шагомъ медленнымъ, но твердымъ все приближается. Эта мысль о труженикахъ смиренныхъ и невѣдомыхъ, но вѣрныхъ, дѣятельныхъ, одаренныхъ всѣми силами мудрости и благодати, имѣетъ для меня нѣчто столь привлекательное, что я никогда не останавливаюсь на ней, не очерпнувъ изъ нея великихъ утѣшеній.

Эта книга, впрочемъ, въ сущности есть ни что иное, какъ изложеніе, ясное и весьма подробное, происхожденія и великихъ плодовъ молитвы *Господи помилуй*, которую называютъ молитвою духа, молитвою безъ образовъ, молитвою мистическою, и т. д. Пока да утвердитъ Васъ Господь въ этомъ пути, и да пребудетъ съ Вами во вѣки Его благодать.

VI.

Пенза, 11-го Сентября 1817.

Спѣшу, любезный другъ, сказать Вамъ мое мнѣніе о томъ, что Вы мнѣ пишете въ послѣднемъ письмѣ Вашемъ объ обстоятельствахъ Вашей духовной жизни. Такъ какъ

Вы удостоиваете меня названія Вашего духовнаго отца, хотя я сего и не заслуживаю, то пріймите мои замѣчанія въ томъ же духѣ любви и простосердечія, въ которомъ я ихъ дѣлаю. Буду говорить съ Вами безъ связи и единственно передъ лицомъ Господа Вашего.

Прежде всего, присоединяюсь къ Вамъ въ благодарности Господу за милости, которыми угодно Ему Васъ осыпать, ибо это по истинѣ милости.

Вспомните однакоже, что св. Терезія и другіе святые молили объ избавленіи отъ видѣній. Какъ бы ни были они отрѣшены отъ земнаго, какъ бы ни были духовны, къ нимъ всегда примѣшиваются нѣкоторыя формы.

Никогда не слѣдуетъ позволять себѣ погружаться слишкомъ глубоко въ созерцанія, когда находишься при людяхъ, даже въ церкви. Въ особенности не слѣдуетъ никогда допускать, чтобы внутреннее чувство распространялось на тѣло и оказывало на него воздѣйствіе. Къ невозможному никто не обязанъ; но прежде всего слѣдуетъ доказать себѣ эту невозможность. Черезъ это приобретаешь дурныя духовныя привычки, послѣдствія которыхъ часто опасны. И не вздумайте говорить мнѣ, что отъ этого нельзя воздержаться, или что это значило бы противиться дѣйствію Духа Святаго. Во первыхъ, отъ этого можно воздержаться, ибо всегда можно спуститься съ высоты созерцанія, постепенно переводя вниманіе на молитву умную или сосредоточивая его на смыслѣ молитвъ церкви. Это уклоненіе нисколько не препятствуетъ дѣйствію Св. Духа и нисколько его не ограничиваетъ: изменяется лишь направленіе этого дѣйствія. Ученіе св. Павла на этотъ счетъ положительно. Прочтите со вниманіемъ главу 14 перваго посланія къ Коринѣянамъ. Тутъ

рѣчь идетъ объ известной формѣ дѣйствія Св. Духа, которой вѣрующіе этой церкви добивались предпочтительно передъ всѣми другими; состояла она въ томъ, чтобы говорить чужими языками (это нѣкотораго рода умозступленіе или экстазъ, дѣйствительно обнаруживающійся употребленіемъ языковъ, неизвѣстныхъ тѣмъ самымъ, которые на нихъ говорятъ). И что же? Онъ воспрещаетъ имъ этотъ даръ, хотя онъ самъ причисляетъ его къ истиннымъ дарамъ Духа Святаго, и возбраняетъ его единственно по неудобству пользоваться имъ въ церкви, въ которой онъ можетъ произвести смятеніе. Онъ совѣтуетъ имъ прибегнуть этотъ даръ для ихъ одинокихъ упражненій, а въ церкви пользоваться лишь даромъ пророчества. Болѣе того, онъ даже воспрещаетъ имъ пророчествовать иначе, какъ соблюдая порядокъ очереди, и предупреждаетъ всѣ возраженія, подобныя тѣмъ, которыя Вы могли бы мнѣ сдѣлать, пререкая великое слово, что *самые души пророчества подчинены пророкамъ*. Вслѣдъ за этимъ великимъ авторитетомъ идутъ всѣ примѣры, вся практика Святыхъ созерцательныхъ. Незмѣнное ихъ ученіе объ этомъ предметѣ состоитъ въ томъ, что при людяхъ никогда не слѣдуетъ позволять, чтобы внутреннее чувство разливалось наружу. Вы найдете это въ трактатѣ Мюлаваля, какъ я это нахожу въ ста мѣстахъ моего «Добротолюбія».

Не только по сущности, но и по формѣ, полезно, достойно истиннаго смиренія слѣдовать доброй практикѣ и здравому преданію истинныхъ нашихъ отцовъ духовныхъ. Помню, что сообщалъ Вамъ кое-что объ этомъ въ разговорахъ; напомню Вамъ тутъ эту форму въ немногихъ словахъ.

1) Для того, чтобы вступить въ созерцаніе, они ищутъ одиночества, т. е. самага удаленнаго угла своей комнаты.

I.

2) Тамъ они принимаютъ положеніе, наиболѣе удобное, т. е. просто садятся, скрепчиваютъ руки подъ грудью, и устремляютъ взоры на какую либо часть своего тѣла, а именно на пупокъ (отсюда даже произошло одно изъ наименованій, даваемыхъ имъ). Опытъ доказалъ имъ всѣ выгоды этого положенія, охраняющаго ихъ въ одно время и отъ сна, и отъ развлеченія наружнымъ свѣтомъ, но они остерегаются закрывать глаза—они остаются неподвижны.

3) Они начинаютъ съ «Господи помилуй», но у нихъ, какъ и у Васъ, это скоро прекращается. Огонь, разъ возженный, горитъ самъ собою, и никому неизвѣстно, чѣмъ онъ питается. Въ этомъ и состоитъ тайна. Находишь вновь «Господи помилуй» въ мысляхъ своихъ лишь въ ту минуту, когда прійдешь въ себя.

4) Они остаются въ этомъ состояніи не сколько они хотятъ, но пока оно длится. Продолжительность его весьма различна; бывали случаи, что оно длилось болѣе двухъ дней сряду, безъ пищи и питья.

4) Тутъ они видятъ иногда то, что они называютъ свѣтомъ Фавора (технической терминъ, посвященный единственно видѣніямъ этого рода). Не знаю, что это такое; но знаю положительно, что видѣніе это гораздо чище, гораздо духовнѣе нашихъ обыкновенныхъ видѣній. Оно совершенно невыразимо словами, наши же болѣе или менѣе опредѣлены; слѣдовательно, степени хотя истинной, но гораздо низшей, чѣмъ это видѣніе, разныя, быть можетъ, лишь одною ступенью отъ собственно такъ называемаго лицезрѣнія Божія.

6) Не сумѣю описать Вамъ столь же достоверно способа, которымъ они держатся въ церкви; но изъ ихъ ученія я имѣю поводъ заключить, что они ограничиваются молитвою умною, позволяя себѣ погружать-

Русскій Архивъ 1870. 7

ся въ бездну созерцанія лишь настолько, чтобы, такъ сказать, одною ногою стоять въ общеніи со всѣми вѣрующими, которые не всѣ созерцатели. Вѣрно то, что они никогда не позволяли себѣ ни трясеній, ни экстазовъ, вещей, говорю Вамъ, порядка низшаго, которыя мы можемъ и должны подавлять, а если бы онѣ взяли надъ ними верхъ, слѣдуетъ настоятельно молить Господа о ихъ прекращеніи. Ибо представьте себѣ, чтобы въ церкви было много созерцателей, возбужденныхъ такимъ образомъ: что это будетъ, если не собраніе трясунувъ (истинныхъ бѣснующихся)? Это вопросъ св. Павла въ вышеупомянутой главѣ.

Стану ли я говорить Вамъ о собственномъ жалкомъ опытѣ, рядомъ съ этими великими примѣрами?.....Это такъ ничтожно. Въ Перми, я испытывалъ нѣкоторое время нѣчто подобное тому, что испытываете Вы, но это было непродолжительно. Съ тѣхъ поръ, форма моего созерцанія всегда была великою пустотою, отсутствіемъ всякаго образа и всякой мысли. Это, полагаю я, какъ и у Васъ. Но плоды этого состоянія сводятся просто къ великому спокойствію въ теченіи дня, къ нѣкотораго рода сладости, постоянной, хотя и не сильной. Это относительно чувствъ; чтоже до просвѣщенія разума, замѣчается нѣкоторая легкость въ пониманіи извѣстныхъ мѣстъ Евангелія, и неожиданное разумнѣе нѣкоторыхъ чертъ въ жизни Господа Нашего; въ церкви благоговѣніе иногда значительное, чаще состояніе созерцанія, менѣе глубокаго, менѣе молчаливаго, чѣмъ когда я одинъ, что вполнѣ позволяетъ мнѣ слѣдовать за службою, и въ точности соблюдать всѣ принятые у насъ обычаи. Не думайте, чтобы я хотѣлъ сгнать всѣ дѣйствія Духа Святаго и свести ихъ къ этой единственной формѣ. Онѣтъ! Я убѣжденъ, что дѣйствія Его безчисленны и въ

своихъ степеняхъ, и въ вещественныхъ предложеніяхъ; но прошу, умоляю Васъ не предаваться ощутимому разлитію духа по Вашему тѣлу, въ особенности въ церкви. Въ ней тѣло должно находиться въ качествѣ глухо-нѣмаго слуги; оно недостойно принимать тутъ какое либо участіе, развѣ въ случаѣ, еслибы Вамъ было совершенно невозможно удержать потоки благодати. Такъ напримѣръ при этомъ исцѣленіи, которое я считаю безусловно чудеснымъ, и за которое, вмѣстѣ съ Вами, благодарю Господа.

Да пребудетъ благодать Его съ Вами во вѣки.

VII.

Пенза, 30 Окт. 1817.

Нѣсколько словъ, любезный другъ, о явленіяхъ Вашей духовной жизни. Радуюсь каждый разъ, какъ читаю Ваши записки. Послѣдняя, въ особенности, доставила мнѣ великое утѣшеніе. Главное заключается въ томъ, что-бы ходить въ сумракѣ вѣры, т. е. въ полномъ отсутствіи всякой мысли, и не слишкомъ привязываться къ видѣніямъ и откровеніямъ, какъ-бы духовны они ни казались, а принимать ихъ однако-же съ благодарностію и благоговѣніемъ. Собственный Вашъ опытъ уже показалъ Вамъ, что истинный смыслъ этихъ видѣній подлежитъ различнымъ толкованіямъ; слѣдовательно, мы еще не достаточно просвѣщены, что-бы руководствоваться ими. Это Духъ Божій; но Духъ, сквозящій сквозъ вепество, еще недостаточно очищенное. Вотъ почему отпечатокъ, оставляемый имъ, еще не достаточно ясенъ.

То что Вы говорите о различіи пророческихъ видѣній совершенная правда.

Прощайте, да пребудетъ во вѣки съ Вами Тотъ, мудрость Коего есть мудрость дѣтей.

VIII *).

Пенза, 26-го Юня 1818 г.

Возобновляю, любезный мой Францъ Ивановичъ, размышленія, вчерашній день прерванныя.

Откуда происходятъ всѣ заблужденія ложнаго мистицизма?—Отъ ревности въ вѣрѣ, неочищенной отъ самолюбія. Какое средство къ сему очищенію?—Постъ, строгое наблюденіе за своими мыслями, сраженіе съ чувствами, жизнь покаянія. Но все сіе есть дѣятельность моего же самого ума и сердца, которое должно умертвить, и хотя дѣятельность безъ сомнѣнія похвальная, но все упражненіе, все развитіе силъ душевныхъ, все—случай и поводъ къ той же самой гордости и самолюбію. Слѣдовательно, не отвергая дѣятельныхъ путей, все остается заключить, что молитва и молитва умная есть единый путь совершенно безопасный. Видѣніе, глубокія и повидимому вдохновенныя мысли, все суть мысли, все упражненіе ума, а не прилѣпленіе, не онѣмѣніе его въ единомъ Богѣ.

Естьли бы г-нъ Лабзинъ зналъ и проповѣдовалъ сію молитву: то во первыхъ не написалъ бы онъ и десятой части того, что написалъ, во вторыхъ, скорѣе и самъ бы пришелъ и другихъ привелъ бы къ истинѣ. Никогда не возмечталъ бы онъ, что посланъ отъ Бога созидать новый храмъ духовный: ибо онъ зналъ бы тогда, что храмъ сей и основанъ, и созданъ, и усовершенъ уже безъ насъ единымъ Господомъ вашимъ І. Христомъ.

Со всѣмъ тѣмъ я повторяю, что не вѣрю и маѣйшей части исторіи, на него взведенной, не вѣрю ни посвященіямъ, ни таинствамъ, яко бы имъ установленнымъ: но

* Письмо это и въ подлинникѣ писано по-русски.

вѣрю, что въ бесѣдахъ своихъ съ монахомъ онъ дѣйствительно могъ поколебать слабость его мозга.

Господь да сохранитъ насъ отъ сихъ метеоръ; такъ ихъ называетъ Св. Павелъ.

Прощайте, мой любезнѣйшій. Лобызаю васъ лобзаніемъ святымъ, въ единомъ Господѣ Нашемъ.

IX.

Пенза, 9 Юля 1818.

Я прочелъ съ удовольствіемъ и съ истиннымъ назиданіемъ Ваши упражненія о Священной Исторіи. Скажу Вамъ сперва нѣсколько словъ объ этихъ занятіяхъ вообще и затѣмъ о многообразіи смысловъ Писанія.

Изученіе Писаній тѣмъ способомъ, которымъ Вы его производите, т. е. развитіе смысловъ его не усиліями разума, но однимъ молитвеннымъ размышленіемъ, есть, по моему мнѣнію, послѣ чистаго созерцанія, упражненіе самое святое и самое полезное.

Еслибы мы были свободны въ выборѣ между различными дарами благодати, я бы остановился на этомъ, и предпочелъ его всѣмъ видѣніямъ, даже самому дару пророчества: ибо онъ менѣе даетъ простора самолюбію и поэтому менѣе опасенъ и болѣе согласимъ съ христіанскимъ смиреніемъ. Постоянно чувствуешь себя на привязи, болѣе страдательнымъ, болѣе подчиненнымъ данному и установленному авторитету. Церковь тутъ, чтобы исправлять заблужденія по мѣрѣ того, какъ мы въ нихъ впадаемъ.

Но предаваясь этому упражненію, нужно очень остерегаться того, чтобы не привязываться къ толкованіямъ слишкомъ отдаленнымъ. Объясняюсь: Писаніе есть книга для поученія всѣхъ, приспособлен-

ная ко всѣмъ состояніямъ духовнымъ. По мѣрѣ того, какъ смѣняются эти состоянія, смыслъ его измѣняется, и хотя сущность всегда одна и та же, приложения разнообразятся до безконечности. Вотъ почему замѣчаемъ мы, что Св. Отцы давали одному и тому же мѣсту разные объясненія, смотря по временамъ и степенямъ ихъ духовной жизни и смотря по развитію своихъ учениковъ.

И такъ, не находите страннымъ, если въ теченіи Вашихъ трудовъ Вамъ случится имѣть относительно тѣхъ же фактовъ иные взгляды, и всегда принимайте съ благодарностію хлѣбъ Вашъ насущный, не привязываясь къ одной формѣ предпочтительно передъ другою. Нужно сохранить данную форму, пока она сама по себѣ держится; но если представится другая, болѣе ясная,

не слѣдуетъ упорно отвергать ее, потому единственно, что нами уже была принята иная. Систематическая послѣдовательность, строгій порядокъ мыслей, столь восхваляемый въ наукахъ человѣческихъ, тутъ не у мѣста. Ибо все тутъ дѣло чувства или, точнѣе, духовнаго роста.

Возвращаясь къ сущности Вашихъ упражненій. Среди многихъ вещей, по истинѣ прекрасныхъ, два соображенія въ особенности поразили меня: объясненіе народосчисленія, предписаннаго Августомъ, и исторія избіенія младенцевъ. Несомнѣнно, что эти факты противорѣчатъ всему, что оставила намъ наиболѣе достовѣрнаго исторія. Поэтому совершенно необходимо искать тутъ аллегорическаго смысла, и тотъ, который былъ внушенъ Вамъ, кажется мнѣ превосходнымъ.

ПИСЬМО СПЕРАНСКАГО КЪ С. М. БРОНЕВСКОМУ *).

Такъ, мой любезный С. М., краткая молитва *Господи помилуй* есть дѣйствительно духовный магнетизмъ, и не безъ содѣйствія благодати и истины Христовой пришло вамъ сіе сравненіе. Закрытіемъ міра чувственнаго совершается магнетизмъ душевный. *Есть тѣло душевное, и есть тѣло духовное*. Естественнымъ рожденіемъ мы облекаемся въ тѣло душевное: *бысть первый человекъ Адамъ въ душу живу*; возрожденіемъ мы облекаемся въ тѣло духовное: *послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ*. Тайна искупленія нашего состоитъ въ предложеніи душевнаго въ духовное или, какъ нѣкоторые изъ Св. Отцовъ сіе называютъ,—въ преобоженіи, а Св. Павелъ еще выразительнѣе: *въ воззлавленіи*

всячески въ Христа; и сіе воззлавленіе или предложеніе начинается въ сей самой жизни, въ семъ самомъ мертвенномъ нашемъ тѣлѣ, и совершается въ вѣчности. Бытіе міра сего есть эпизода въ великомъ дѣлѣ творенія,—эпизода необходимая, но не пѣль и не конецъ поэмы. Она необходима потому, что духовность, свобода и возможность паденія суть одно и то же.

Обращаясь къ духовной молитвѣ, побесѣдную еще съ вами о свойствахъ ея. По мѣрѣ упражненія и навыка въ ней, открывается, что она какъ бы останавливаетъ ходъ мысленной нашей душевной силы—и на вопросъ, о чемъ мы думали, когда симъ образомъ молились, мы не находимъ въ себѣ отвѣта, ибо дѣйствительно въ сіе время мы не мыслили ни о чемъ, не представляли себѣ ничего и ничего во

*) См. Р. Арх. 1863, ст. 47.